

«Юньцю, пожалуйста, выслушай мое объяснение. Я не просила у ребенка денег, потому что хотела их себе. Я хотела оставить их для него, опасаясь, что он может потратить их безрассудно. В нашей семье всегда была традиция помогать детям распоряжаться своими деньгами».

Отец Ань и мать Ань попросили ее обратиться за помощью к семье Инь, но она не осмелилась обратиться с какой-либо просьбой к Инь Юньцю. Она боялась, что он узнает, что она влезла в большие долги, потому что принимала подарки от других мужчин, и что у них не будет шансов возобновить свои отношения.

Женщина выглядела жалкой, но Инь Юньцю потерял терпение. Он равнодушно посмотрел на нее, нахмурив брови, и набрал номер. «Отправьте Мисс Ань обратно вниз».

"Да!" - ответил водитель дрожащим голосом. Даже по телефону он чувствовал недовольство начальника его эффективностью. Внутри он чувствовал горечь, потому что именно мисс Ань неоднократно задерживала свой отъезд. Он не мог силой посадить ее в машину.

Когда мужчина указал ей, что ей следует уйти, лицо Ань Мэйцзун побледнело. В горле было сухо и першение. Она поспешно сказала: «Юньцю! Собственно, вот в чем дело. В эти дни наша семья столкнулась с некоторыми проблемами, мой папа...» Как только она собиралась все в спешке объяснить, кто-то тут же схватил ее за плечо и сказал: «Мисс Ань, простите за вторжение».

«Ах!» Ань Мэйцзун вскрикнула от боли. Она посмотрела на мужчину, который когда-то был ее возлюбленным, беспомощными слезящимися глазами. Однако он остался равнодушным, словно она была всего лишь незначительной прохожей.

Обеспокоенная тем, что ее начальник станет еще более недовольным, на этот раз водитель действовала решительно. Он быстро оттащил ее, и на этот раз у Ань Мэйцзун даже не было возможности вскрикнуть от боли. Водитель и дворецкий насильно посадили ее в машину, лишив ее возможности беспокоить их в дальнейшем.

Ань Мэйцзун удрученная вернулась домой, открыла дверь и увидела три пары полных надежды глаз. Она сказала извиняющимся тоном: «Мне очень жаль, мама, папа. Юньцю не дал мне денег, но я попытаюсь убедить его в другой день...» Она могла только позволить им потерпеть некоторое время и пойти на работу.

«Это точно. Скоро я смогу собрать деньги».

Вскоре она узнала, что также была стороной соглашения о продаже своего тела. Ее родители и младший брат работали на автомойке, и ей приходилось подавать другим чай и воду. Она была ошеломлена, ее голова кружилась, почти взорвавшись.

Она кричала: «Папа! Мама! Как вы могли подписать без моего согласия? Почему вы не

подождали, пока я вернусь и подпишу?» Чего она не сказала, так это: «Почему вы подписали такой несправедливый контракт от имени своей дочери без ее разрешения?»

Такое родительское подписание было семейной традицией. В своей предыдущей жизни Ань Мэйцзун часто подписывала различные неравные контракты от имени первоначального владельца, используя имя матери.

Чтобы подготовить его к индустрии развлечений, Ань Мэйцзун намеренно приняла для него множество актерских сценариев, заставив его, сына самого богатого человека, участвовать в различных реалити-шоу, как клоуна. Если он откажется, штраф будет непомерным.

Теперь казалось, что карма вернулась, чтобы преследовать ее.

Увидев, что его сестра вернулась с пустыми руками, Ань Цзюнь был разочарован больше, чем кто-либо. Он думал, что его сестра такая бесполезная, и даже подумывал о работе автомойщиком. Значит, он тоже вышел из себя. Его зрачки были налиты кровью от ожидания всю ночь.

«Ты сама не отвечала на звонок. Знаешь, сколько раз мы звонили тебе прошлой ночью? Эти люди почти приставили ножи к моей и папиной шеям. Папе ничего не оставалось, как согласиться! Ты во всем виновата! Ты навлекла беду на всю нашу семью! Позволив кланчить зятя, ты даже этой мелочи не сделаешь! Тебе явно плевать на меня и жизнь наших родителей!»

Ань Мэйцзун была в ярости. Она дала ему пощечину, повысив голос: «Когда ты тратил мои деньги, ты когда-нибудь думал, что будешь замешан со мной? Не думай, что я не знаю, что ты и папа тайно взяли большую часть этих денег. Теперь ты хочешь свалить всю вину на меня!»

В первый день Нового года семья Ань снова начала ссориться, привлекая внимание соседей. Отец Ань и мать Ань были старыми и не могли контролировать своих спорящих детей, поэтому они стали источником развлечения для других. Они были на грани слез, скорбя о том, что им скоро придется работать.

Они рассматривали возможность использования своего дома в качестве залога, но если бы они заложили оба объекта недвижимости, где бы они жили? Особенно когда младший сын умолял их не продавать дом, так как он понадобится ему для женитьбы в будущем.

Местные девушки с пекинским хукоу пользовались большим спросом, а жениться на местной девушке без дома и машины было практически невозможно. Не все были такими невежественными, как бывшая девушка Ань Цзюня.

На просьбу сына родители уступили, еще больше разозлив дочь. Она не ожидала, что ее родители окажутся настолько нерешительными. Они продолжали спорить, и на следующий день приехали несколько молодых мастеров и их друзья, принесли несколько комплектов

униформы для ночного клуба и заставили их работать.

Крепкие телохранители подняли их на руки, как цыплят, и отнесли к ним без всякого сочувствия, заставив Ань Мэйцзун почувствовать стыд. Она не смогла сдержать гнев и облила их вином. Вмешалась менеджер, еще больше разозлившись, и вычла ей зарплату, сказав, что она обидела клиентов.

Это заставило Ань Мэйцзун задохнуться от гнева. Она с нетерпением ждала того дня, когда сможет вернуться в университет, и сожалела о расточительной жизни, которую вела в семье Инь.

Ань Цзюнь чувствовал то же самое. В прошлом он был высокомерным и часто выставлял напоказ имя своего зятя. Теперь его высмеивали одноклассники, над которыми он когда-то издевался. Они насвистывали и махали перед ним ключами от машины, проходя мимо с равнодушным видом.

Потом они смотрели на него с удивлением, как будто наткнулись на что-то в мусоре. Они говорили: «Разве это не Ань Цзюнь, наш одноклассник? Давно не виделись. Оказывается, ты здесь работаешь. Может быть, ты здесь, чтобы испытать жизнь, большая шишка?»

Они с пренебрежением продолжали: «А здесь комиссия привязана к количеству помытых машин?» Получив подтверждение, они фыркнули: «Ну, раз уж мы были одноклассниками, нам следует позаботиться о наших старых одноклассниках. Как насчет того, мы помоем все машины сегодня. Просто оставь их здесь. Наступил Новый год, а машины все грязные. Пришло время «избавиться от старого и приветствовать новое» и «очистить нечистоту». Мы просто помогаем старому однокласснику и дарим тебе удачу».

Другие одноклассники поддержали его: «Старший брат прав. Наши машины действительно грязные, и мы больше не можем этого терпеть».

«Моя машина новенькая и не грязная, но на Новый год я ее помою на удачу».

«Спасибо, что помог нам, Ань Цзюнь. Посмотри, как сильно твой старший брат заботится о тебе, собирая друзей для развития твоего бизнеса!»

Ань Цзюнь почувствовал, что его гордость попрана, и его лицо покраснело от гнева. Однако он ничего не мог с этим поделать, и ему пришлось принять их «доброту».

Ань Цзюнь сердито сжал шланг с водой, его руки были покрыты пеной, и ему хотелось ополоснуть их всех холодной водой посреди зимы. Он привык к избалованности и, столкнувшись с такой ситуацией, мог лишь выместить свой гнев на родителях.

Не работая несколько дней и видя, что его старшая сестра часто использовала оправдание

«необходимости посещать занятия», чтобы избежать работы, оставляя только его и его родителей трудиться и выплачивать долг, он чувствовал себя все более обиженным и несчастным.

Брат и сестра снова разразились спором, и для семьи Ань этот год стал настоящей катастрофой. У них не было ни времени, ни сил беспокоить других.

Только Инь Минцинь, которая играла на пианино, пока ее мысли блуждали, была обеспокоена ситуацией Ань Мэйцзун. Почему она так долго не получала от нее ни денег, ни подарков?

Одно дело не проявить никакой привязанности во время Нового года, но за весь год они встретились всего несколько раз. Могло ли что-то случиться с ее стороны? Она в отчаянии закусила губу.

Погруженная в свои мысли, она допустила несколько ошибок, играя на фортепиано. Когда она пришла в себя, она заметила, что г-н Цзян и г-жа Кун смотрят на нее с беспокойством. «Минцинь, ты себя хорошо чувствуешь? Что-то не так с твоим здоровьем?»

Она слегка напряглась и не успела сказать, что с ней все в порядке, прежде чем Кун Цзинхуа добавила: «Дорогая, хотя они говорят, что тебе следует начинать изучать музыкальный инструмент в молодом возрасте, я думаю, что Минцинь еще слишком молода. Игра на пианино по два часа в день — слишком большая нагрузка для организма».

Уроки игры на фортепиано стоили от пяти до шестисот юаней в час, и их семья могла себе это позволить. В конце концов, Минцинь принимала лекарства с детства, и цена только этих бутылочек с лекарствами могла покрыть стоимость семи или восьми уроков игры на фортепиано.

Однако в конечном итоге здоровье ребенка оказалось важнее. Если бы они заставили ее учиться игре на фортепиано в ущерб ее благополучию только для того, чтобы сделать их счастливыми, они бы предпочли позволить ей бегать на солнце и оставаться здоровой, как ее сверстники.

Элегантная учительница фортепиано также вмешалась: «Мистер Цзян, госпожа Кун, я разделяю то же мнение. В последнее время работоспособность Минцинь снижается, возможно, из-за перенапряжения. Возможно, она не подходит для долгих часов занятий на фортепиано».

«Я предлагаю ей сосредоточиться на улучшении своего здоровья, и она всегда сможет научиться играть на пианино, когда станет сильнее. В конце концов, лучший возраст для обучения игре на фортепиано — от пяти до двенадцати лет, и можно начать на несколько лет позже».

Она была довольно известна в мире частного репетиторства и обучила многих детей из богатых семей. Однако она не станет заставлять ребенка продолжать обучение, если это не в его

интересах, даже если это нанесет ущерб ее репутации.

Первоначально она думала, что Минцинь обладает значительным музыкальным талантом и уникальной чувствительностью к музыке, и часто слабо улыбалась, когда слышала серию нот из граммофона.

Она продемонстрировала перед родителями сильную любовь к игре на фортепиано, что заставило учителя поверить, что у нее искренняя страсть к музыке.

В результате, несмотря на ее физические ограничения и периодические проблемы с мышечным контролем, из-за которых ей было трудно координировать движения пальцев на черных и белых клавишах, учительница согласилась принять ее в ученицы из-за сильной привязанности Минцинь к фортепиано.

Однако со временем первоначальное очарование исчезло, и стало очевидно, что музыкальный талант Минцинь в лучшем случае был довольно обычным. Она даже не могла войти в число средних учеников ее класса.

Более того, учительница поняла, что интерес Минцинь к музыке не так глубок, как она думала изначально. Больше похоже было на то, что она хотела приобрести навык, движимая сильным чувством цели и полезности.

Когда учительница предложила начать с базовых музыкальных произведений, Минцинь выразила более сильное желание заняться более сложными и впечатляющими произведениями.

Она не проявляла большого интереса к классическим произведениям, которые были относительно неизвестны широкой публике, но считались ценителями сокровищами. Это несколько озадачило учительницу, и ее энтузиазм к преподаванию угас.

Более того, за последний год показатели Минцинь значительно ухудшились, то ли из-за проблем со здоровьем, то ли по другим причинам. Пальцы ее механически нажимали на клавиши фортепиано, взгляд казался отстраненным, и она часто играла неправильные ноты. После нескольких уроков без каких-либо улучшений учительница начала сомневаться, стоит ли оно того.

Она искренне предложила Минцинь сделать перерыв, чтобы она могла восстановить свое здоровье и психическое состояние, прежде чем возобновить занятия. Однако учительница не могла не подумать, что, возможно, лучше не принимать в будущем учеников с такими серьезными физическими ограничениями.

"Нет! Я хочу учиться!" Минцинь в отчаянии вскочила со стула, но г-н Цзян и г-жа Кун уже серьезно отнеслись к совету преподавателя игры на фортепиано и вежливо прекратили занятия.

Лицо Минцинь стало еще бледнее, а ее выступление только подтвердило веру г-на Цзяна и г-жи Кун в то, что обучение игре на фортепиано может подождать, пока их дочь не станет старше и сильнее. Они не могли видеть, как лицо их дочери обесцветилось, и решили поставить ее благополучие на первое место.

С другой стороны, Инь Цзюй играл на пианино, погруженный в элегантную музыку. Его красивый и светлый цвет лица в сочетании с высокой и изящной фигурой придавали ему ауру принца.

Он улыбался, наблюдая за происходящим, и пока играла музыка, пухлый и очаровательный ребенок не мог не танцевать под радостную музыку. Он как будто был полностью поглощен музыкой, с энтузиазмом двигая руками и ногами.

Он высоко поднимал руки, покачивал маленькими ножками и даже покачивался в воздухе, принимая классическую позу Четырех Лебедей. Это почти заставило его рассмеяться.

Инь Цзюй, который поначалу не особенно любил фортепиано, любил видеть, как другие погружаются в музыку, очарованные этим ощущением. Среди всех своих братьев и сестер этот милый младший брат проявил это наиболее ярко.

«Минлу, я хорошо играю?» Я заставил тебя так танцевать? Глаза Инь Цзюя сверкали, и хотя он подумывал о том, чтобы научиться чему-нибудь еще, когда станет старше, теперь он подумал, что мог бы продолжить играть на фортепиано.

«Хорошо, хорошо, хорошо». Инь Минлу великодушно кивнул, показав большой палец вверх. Возможно, он мало что знал о музыке, но мог ее оценить. Хотя Инь Цзюй выглядел немного ленивым, у него был исключительный музыкальный талант.

Более того, в отличие от многих детей из обычных семей, обучавшихся игре на фортепиано для экзаменов, аттестаций и конкурсов, Инь Цзюй играл на фортепиано свободно и страстно, что делало его музыку более приятной для прослушивания.

Некоторые малоизвестные мелодии можно было сыграть без особых усилий, и вновь нанятая репетиторша по игре на фортепиано была так тронута, что у нее на глазах выступили слезы, восхваляя необыкновенный талант ученика.

Вскоре учительница перевела взгляд на Инь Минлу и нетерпеливо спросила: «Хотя этот ребенок еще молод, я вижу, что у него тоже есть большой талант. Хочешь тоже научиться?» Восторженное выражение лица, погруженное в музыку, указывало на сильное чувство восприятия.

Инь Юньцю тоже посмотрел на своего сына и спросил: «Минлу, ты хочешь учиться?» Он взял руку своего маленького сына, мягкую и нежную. Он не был уверен, сможет ли его сын адаптироваться к обучению игре на фортепиано в таком юном возрасте.

«Я думаю, он больше подходит для танцев», — засмеялся Инь Чжунюань. Просто посмотрите, каким милым был его танец раньше. Если бы не его сын, играющий на пианино, он бы расхохотался.

Хм, осмелился посмеяться над ним. Инь Минлу мягко шлепнул его, но он искренне не хотел учиться играть на фортепиано. Поэтому он покачал головкой и сказал: «Я не хочу учиться. Я лучше научусь рисовать. Посмотрите на этот рисунок, который я недавно сделал. Разве это не хорошо?»

Выдающемуся разработчику игр, безусловно, потребуются исключительные художественные способности, да и музыка тоже важна, но слишком глубоко в ней копать не нужно.

Рисунок перед ними представлял собой простой рисунок мелом: пшеничное поле, чучело, небольшой деревянный домик и фон красноватого неба, смешанного с темно-синей ночью. Для ребенка, которому было почти четыре года, это было впечатляюще.

"Красиво." Инь Юньцю обычно не говорил «нет» тому, что создал его сын. «Давай поместим его в рамку и повесим на стену».

«Я тоже думаю, что это красиво. Для этого рисунка я использовал всего пять цветов! Остальные цвета я смешал мелками», — сказал малыш с широкой улыбкой, его глаза образовали два полумесяца. Он выглядел очень гордым.

Полюбовавшись некоторое время сам, он неохотно передал ее и спросил: «Папа, а где ты собираешься повесить картину? В твоей комнате?" В противном случае ему пришлось бы каждый день прибегать, чтобы увидеть это.

Инь Юньцю изначально думал об этом так, чтобы каждый день перед сном видеть работы своего сына. Однако, похоже, его сыну эта идея не очень понравилась, поэтому он сказал: «Давай повесим ее в гостиной, чтобы ты мог видеть ее каждый день».

Инь Минлу был доволен такой договоренностью. С тех пор в гостиной старого дома семьи Инь появился неуместный рисунок карандашом среди общего классического и элегантного декора. Более десяти лет спустя количество картин на этой стене продолжало расти.

От рисунков карандашами до эскизов и картин маслом, стили варьировались от романтизма до классицизма и даже включали хаотическое абстрактное искусство и картины с полуобнаженными женскими фигурами. Почти каждый друг, пришедший в гости к семье Инь, мог увидеть эти картины всего лишь одним взглядом.

Инь Юньцю иногда останавливался и с гордостью говорил: «Это нарисовал мой сын, когда ему было скучно».

Гости, естественно, хвалили выдающиеся таланты молодого господина и втайне жаловались на одержимость семьи Инь их сыном. Конечно, это были истории для другого времени, поэтому не будем на них останавливаться.

Но у дедушки Иня были некоторые возражения. Он выдул усы и сказал сыну: «Я знаю, ты хочешь, чтобы твой сын преуспел, но Минлу всего четыре года. Ты заставляешь его изучать арифметику, рисование и даже игровой дизайн. Ты слишком строг как отец. Даже если он захочет учиться, не перегружай его!»

Холодным зимним утром он иногда просыпался рано и видел, как его ребенок в спортивной одежде бежит во дворе. Летом он плескался в бассейне и играл во фрисби с собаками.

Если бы не вид счастливой улыбки своего ребенка, он бы заподозрил, что это потому, что он, старик, так и не признал его, и это заставило его почувствовать себя виноватым без всякой причины.

Инь Юньцю выглядел беспомощным, но он не мог сказать, что это все, чему его ребенок хотел научиться. Как отец он мог только безоговорочно поддержать сына.

<http://bllate.org/book/14980/1325334>